

Г. А. Азизов

(научный руководитель: Г. В. Ситникова)

Липецкий государственный педагогический университет

Липецк, Россия

«Письма из Франции» Д. И. Фонвизина: двойной портрет «земного рая»

Аннотация: статья посвящена теме путешествия Д. И. Фонвизина по Франции во второй половине XVIII века. Его письма, направленные различным адресатам, во всех подробностях знакомят читателей с важнейшими чертами культурной и бытовой жизни Франции, которая в то время воспринималась многими как центр наук и искусств, как некий земной рай. Особое внимание уделяется критическому отношению Фонвизина к некоторым аспектам французской жизни и его стремлению сохранить свою национальную идентичность в контексте иностранной культуры.

Ключевые слова: Д. И. Фонвизин, Франция, путешествие, письма, критика, восприятие, культура.

XVIII век в Европе – эпоха культурного процветания, во главе которого стояли крупнейшие развитые страны. В этот период ключевая роль на мировой арене отводится Франции, символизирующей основу общественного и политического развития, страна была центром интеллектуальной жизни, притягивала к себе лучшие умы и таланты своего времени, ее величие, ее первоочередная причастность к событиям в Европе и превосходство в культурном плане сильно влияли на развитие других государств, включая Россию.

Неудивительно, что многие русские дворяне прониклись французской культурой и образом жизни, стремясь к подражанию и ассимиляции. Этот феномен, известный как «французомания», проник в различные сферы русского общества, включая литературу. В XVIII веке образованные русские дворяне ощущали себя европейцами и в своем мировоззрении отражали идеалы Просвещения. Они верили в то, что соединение теории с практикой приведет к установлению гармонии и справедливости в обществе, на это указывал еще Д. Д. Благой, писавший в свое время, что «убеждение в том, что познание законов чистого разума приведет к соблюдению этих законов и, в конечном итоге, к созданию идеального государства, было распространено среди русских европейцев» [Благой, с. 23].

Франция, с ее безмерным влиянием на европейскую культуру, просветительскими идеями, казалась русскому обществу неким идеалом, к которому следует стремиться. Это подтверждали многочисленные публикации, переводы работ французских просветителей, отчеты путешественников. Д. И. Фонвизин, критически изобразивший в комедии «Бригадир» французоманию русских дворян, решил использовать поездку во Францию, чтобы самому увидеть этот «земной рай». Автор стремится исследовать и осмыслить все аспекты жизни и культуры Франции, от ее политической системы до обычаев и нравов обитателей. Как пишет В. Н. Антонов, «при этом взгляд Фонвизина остается критическим и аналитическим, не принимая всепрощающего восторга перед французским образом жизни, но и не отрицая его ценности и привлекательности» [Антонов, с. 12].

Поездка Д. И. Фонвизина во Францию в 1777 году была связана с необходимостью лечения его жены в Монпелье, супруги путешествовали по Европе около года, добравшись до французского курорта через Польшу. Посещение различных городов и знакомство с их культурой, образом жизни и достопримечательностями стали для Фонвизина не только возможностью отдохнуть, но и источником обогащения его интеллектуального опыта. Во время пребывания во Франции Фонвизин активно занимался самообразованием, изучая философию, юриспруденцию, посещая приемы, театральные постановки. Его распорядок дня был напряженным и насыщенным впечатлениями от новых знакомств и культурных впечатлений. Такое погружение во французскую культуру и образ жизни позволили

Фонвизину более глубоко понять и оценить достоинства этой страны, увидеть противоречия, а также сравнить все это с реалиями русского общества.

Во время своего путешествия по Франции в 1777–1778 гг. Д. И. Фонвизин вел своего рода путевой дневник, представляющий собой серию писем, адресованных его сестре и генералу П. И. Панину. Всего было отправлено 13 писем из Монпелье, где проходило лечение его жены, и из Парижа. Из Монпелье было отправлено 7 писем, из которых 3 адресовались сестре и 4 – генералу Панину. Из Парижа было отправлено 6 писем, также по 3 каждому адресату. Одно из писем, полностью посвященное Франции, было отправлено из Ахена.

Письма Д. И. Фонвизина уже давно привлекают внимание исследователей, которые не только рассматривают их с самых разных сторон, но и дают им разные оценки. Г. П. Макогоненко в свое время считал, что это единое по замыслу и законченное публицистическое произведение, но сейчас все же стоит согласиться с мнением В. П. Степанова, который обращает внимание на то, что, хотя перед нами реальные письма, имеющие конкретных адресатов, все же они не носят исключительно личный характер, а «предполагали некоторый круг читателей, хотя и ограниченный, но более широкий, нежели семейный и дружеский, которому формально адресованы. Они писались с расчетом на рукописное распространение хотя бы некоторых из них, дававших обобщенную характеристику французской культуры и быта. Об этом свидетельствует некоторое количество имевшихся в обращении списков» [Степанов, с. 220].

Письма Фонвизина из-за границы к сестре и к графу Панину написаны почти одновременно, поэтому в них есть некоторые общие моменты, но первые, заключая в себе несколько меньше политики и философии, более пространны и картинны в описании быта. Он знал, что сестра, увлекающаяся литературой, по достоинству оценит их слог, содержание, забавные мелочи, детали. Сестра Д. И. Фонвизина, Феодосия Ивановна (1743–1815), занималась литературой весьма серьезно, читала книги, рекомендованные младшим братом, и сама писала стихи. В письмах к ней Фонвизин не стеснялся выражать свои оценки и суждения, с характерным для него юмором описывал свое путешествие через Польшу и немецкие земли, а письма из Франции были наполнены различными жанровыми зарисовками, описаниями условий жизни и впечатлений от мест, которые он посещал. Он часто не скрывал своего разочарования, например, отмечая скверные условия в гостиницах, некачественное постельное белье и салфетки, невоспитанных лакеев и плохое обслуживание за столом.

Как любой путешественник он в первую очередь обращает внимание на непривычные для русского дворянина детали быта, нравы, обычаи. В одном из писем сестре Фонвизин довольно подробно описывает званый обед. По местной традиции за стулом каждого гостя должен стоять его собственный лакей, который и приносит своему хозяину все необходимые блюда. В печальном положении оказываются те гости, у которых нет своих лакеев, они остаются вообще голодными, т.к. французского слугу не заставишь прислуживать нескольким людям. Сердобольный Фонвизин не раз наблюдал такую картину: «Кавалеры святого Людовика, люди заслуженные, не имеющие слуг, не садятся за стол, а ходят с тарелкою около сидящих и просят, чтоб кушанье на тарелку положили. Как скоро съест, то побежит в переднюю к поставленному для мытья посуды корыту, сам, бедный, тарелку свою вымоет и, вытря какую-нибудь отымалкою, побредет опять просить чего-нибудь с блюд» [Фонвизин, с. 430].

Фонвизин удивился тому, что перед столовым прибором гостя не ставят ни вина, ни воды, за всем надобно посылать слугу, писатель признается, что его слабое зрение не позволяло ему от души насладиться угощением, нередко уходил он с обедов голодным. В разговоре с французами он спрашивал, почему не принят во Франции обычай обносить блюда, которого придерживаются не только в России, но также в Польше и Германии. Объяснение французов было предельно простым: экономия. Если обносить блюда, чтобы каждый гость мог попробовать каждое кушанье, то слишком много придется готовить угощения.

С недоумением в очередной раз восклицает Фонвизин в письме к сестре: «Клянусь тебе, по чести моей, что как ты живешь своим домиком, то есть как ты пьешь и ешь, так здесь живут

первые люди; а твоего достатка люди рады б к тебе в слуги пойти. Отчего же это происходит? Не понимаю. У нас все дороже; лучшее имеем отсюда втридорога, а живем в тысячу раз лучше» [Фонвизин, с. 431]. Фонвизин был настолько переполнен впечатлениями, что в письмах к сестре неоднократно восклицал, что все увиденное сложно полностью изложить на бумаге, надобно прибегнуть к помощи жестов, мимики, чтобы во всей полноте представить другому человеку те забавные происшествия, коим он был свидетель.

В письмах к сестре Фонвизин неоднократно отмечал, что с нетерпением ждет встречи с Парижем, общепризнанным сердцем Франции и центром Европы. Ему хотелось своими глазами увидеть этот притягательный город, так сильно влиявший на морально-духовный климат далекой от него России. Но уже первое впечатление было неоднозначным: «Париж отнюдь не город; его поистине назвать должно целым миром. Нельзя себе представить, как бесконечно он велик и как населен». Но в то же время на каждом шагу здесь можно встретить хорошее и дурное совсем рядом, «такая несообразность должна удивить каждого». <...> Увидишь здание прекрасное и верх искусства человеческого, а подле него какой-нибудь госпиталь для дурных болезней» [Фонвизин, с. 438–439].

Конечно, Фонвизин не ставит перед собой цель развенчать этот удивительный город, его задача увидеть его со всех сторон, отметить его плюсы и минусы. К позитивным сторонам Парижа, конечно же, следует отнести театральное искусство, от которого русский писатель остался в восторге, объясняя причину столь высокой оценки удивительным профессионализмом труппы. Часто посещая спектакли, которые примиряли его с жизнью в столице, Фонвизин довольно близко познакомился с французскими авторами, которые стали с удовольствием посещать его дом. Но это тесное общение привело к неутешительному выводу: французских писателей приятнее читать, чем слушать их разговоры, «самолюбие в них такое, что не только думают о себе как о людях, достойных алтарей, но и бесстыдно сами о себе говорят, что они умом и творениями своими приобрели бессмертную славу» [Фонвизин, с. 450].

Д. И. Фонвизин сразу обращает внимание на нескромность в оценке собственной деятельности, которая была характерна для французов и абсолютно не была принята в русском обществе, он даже вспоминает своего коллегу, А. П. Сумарокова, который нередко раздражал публику своим хвастовством, «здесь все Сумароковы: разница только та, что здешние смешнее, потому что на вид гораздо важнее» [Фонвизин, с. 450].

Параллельно с письмами к сестре, которые наполнены многочисленными забавными наблюдениями, бытовыми подробностями, Д. И. Фонвизин направлял послания П. И. Панину, которые больше похожи на отчеты чиновника вышестоящему лицу, каковым и был в действительности граф Петр Иванович Панин (1721–1789), генерал-аншеф, сенатор младший брат Никиты Ивановича Панина, под началом которого Д. И. Фонвизин служил в иностранной коллегии. Письма к Панину представляют собой глубокие размышления Фонвизина по ряду важнейших вопросов государственно-политического и морально-нравственного планов, вопросов, актуальных и злободневных не только для Франции, но и для России.

В числе самых важных, насущных стоят проблемы просвещения и воспитания, русский писатель признает, что способов к просвещению во Франции очень много, воспользоваться ими можно без особого ущерба для кошелька, но французы не спешат просвещать умы, дворянство погрязло в невежестве и суеверии. Более того, в стране вообще нет «генерального плана воспитания, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное старание прилагают, чтоб один стал богословом, другой живописцем, третий столяром; но чтоб каждый из них стал человеком, того и на мысль не приходит. Итак, относительно воспитания Франция ни в чем не имеет преимуществ пред прочими государствами. В сей части столько же и у них недостатков, сколько и везде, но в тысячу раз больше шарлатанства» [Фонвизин, с. 483–484].

В письмах к Панину Фонвизин поднимает еще одну проблему, необычайно важную и для России, это законодательство. Он отмечает, что во Франции система законов создавалась на протяжении длительного времени лучшими умами, но постепенно злоупотребления и развращенные нравы потрясли основы государства, сложилось парадоксальное

несоответствие закона и реальной жизни. Так, печально обстоят дела с вольностью, которая является первым правом каждого француза, «но истинное настоящее его состояние есть рабство, ибо бедный человек не может снискивать своего пропитания иначе, как рабскою работою, а если захочет пользоваться драгоценною своею вольностию, то должен будет умереть с голоду. Словом, вольность есть пустое имя и право сильного остается правом превыше всех законов» [Фонвизин, с. 460].

Фонвизин считает состояние французского общества бедственным, а причину видит в том, что даже самые хорошие законы не приносят никакой пользы, т.к. в людских сердцах нет первого закона, закона «доброй веры». Русский писатель с горечью говорит о том, что во Франции деньги возвышены как божество, честность живет лишь на словах, подлые поступки не наказываются даже презрением, французы много говорят и мало мыслят, у них нет сострадания к ближнему, редкий из них злопамятен, но лишь потому, что «непостоянство и ветреность не допускают ни пороку, ни добродетели в сердца их поселиться» [Фонвизин, с. 480].

В письмах к Панину можно увидеть самостоятельность суждений, здравое отношение ко многим явлениям европейской жизни, нелюбимые отзывы о знаменитых французских философах, авторитетность которых признана в России почти безоговорочно. Фонвизин обращает особое внимание на их атеизм, который воспринимается им как нравственный нигилизм: «Д'Аламберы, Дидероты в своем роде такие же шарлатаны, каких видал я всякий день на бульваре <...> разница между шарлатаном и философом только та, что последний к сребролюбию присовокупляет беспримерное тщеславие. <...> Сколько я понимаю, вся система нынешних философов состоит в том, чтоб люди были добродетельны независимо от религии: но они, которые ничему не верят, доказывают ли собою возможность своей системы? Кто из мудрых века сего, победив все предрассудки, остался честным человеком? Кто из них, отрицая бытие Божие, не сделал интереса единым божеством своим и не готов жертвовать ему всею своею моралью. <...> Вот таковы те люди, из которых Европа многих почитает великими и которые, можно сказать, всей Европе повернули голову!» [Фонвизин, с. 481–482]. При этом Фонвизин замечает, что сами французы не слишком почитают знаменитых своих современников, потому как являются очевидными свидетелями их поведения.

Фонвизин в одном из писем к Панину развивает и углубляет уже поднятую в письме к сестре тему Парижа, воспринимаемого в Европе как центр мира. Многие современники открыто заявляли, что привлекли их в Париже светское общество и ученые люди. Но, с точки зрения Фонвизина, это самообман, потому что дворянское общество Парижа неохотно принимает в свои ряды иностранцев, поэтому все приезжие общаются в узком кругу своих соотечественников. Что же касается общения с учеными людьми, то редкий приезжий использует пребывание в Париже для обучения, да и сами ученые люди Парижа не всегда являют собой образец добропорядочности. Встает закономерный вопрос, в чем же заключаются истинные причины огромного стечения людей в Париж? С точки зрения Фонвизина, это спектакли и девки, «если две сии приманки отнять сегодня, то завтра две трети чужестранцев разъедутся из Парижа» [Фонвизин, с. 476–477].

Первая причина посещения Парижа вполне понятна русскому писателю, театральному мастерству парижан Фонвизин неоднократно пел дифирамбы и в письмах к сестре, особо отмечая комедии. Это связано с характером французов, которые не любят скуки, предпочитают праздник, веселье. «Вторая приманка» Парижа заставляет Фонвизина проанализировать нравственный климат французского общества. Моральное разложение общества дошло до такой степени, что продажные женщины, осыпанные бриллиантами, не стыдятся публично появляться в театральных ложах, их жертвами чаще всего становятся чужестранцы, которых они увлекают в свои сети весьма искусно. А результаты общения весьма печальны: гости Парижа после общения с «девками» покидают город, оставив в нем не только деньги, но и здоровье.

Оценивая результаты своего путешествия по Европе, Фонвизин признается, что оно принесло ему много полезного, он освободился от иллюзий по поводу безоговорочного

превосходства европейцев перед русскими, он пишет сестре: «Ни в чем на свете я так не ошибался, как в мыслях моих о Франции. Радуюсь сердечно, что я ее сам видел и что не может уже никто рассказами своими мне импонировать <...> Право, Париж отнюдь не таков, чтоб быть от него без памяти...» [Фонвизин, с. 441], «научился я быть снисходительнее к тем недостаткам, которые оскорбляли меня в моем отечестве. Я увидел, что во всякой земле худого гораздо больше, нежели доброго, что люди везде люди, что умные люди везде редки, что дураков везде обильно и, словом, что наша нация не хуже ни которой и что мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях» [Фонвизин, с. 449]. Ту же идею, но в более лаконичной форме находим и в письме к Панину: «Я оставил Францию. Пребывание мое в сем государстве убавило сильно цену его в моем мнении. Я нашел доброе гораздо в меньшей мере, нежели воображал, а худое в такой большой степени, которой и вообразить не мог» [Фонвизин, с. 480].

Два адресата писем, родственница и чиновник, вынуждают Д. И. Фонвизина наполнять свои тексты, написанные почти одновременно, разным культурно-бытовым и общественно-историческим содержанием, тем самым в цикле этих писем создается многогранный портрет Франции середины – второй половины XVIII века, которая никак не может претендовать на звание «земного рая».

Литература

Антонов В. Н. «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина (к спорным вопросам интерпретации) // Вестник Московского ун-та. Сер. Филология, 1981. № 6. С. 11–18.

Благой Д. Д. Русская литература. М., 1945.

Степанов В. П. Полемика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. – Л., 1986.

Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. <...> М.–Л., 1959. Т. 2.

Azizov G. A. “Letters from France” D. I. Fonvizin: a double portrait of “earthly paradise”

Abstract. This article covers the topic of D. I. Fonvizin's travels in France in the 18th century, as well as his written accounts of the trip sent to various addressees. The content of the letters is analyzed in detail, the main points of the author's perception of French life and culture are revealed, as well as the reasons for his dislike of this country. Special attention is paid to Fonvizin's critical attitude to some aspects of French life and his desire to preserve his national identity in the context of foreign culture.

Keywords: D. I. Fonvizin, France, travel, letters, criticism, perception, culture.